

Про Илью Муровца

Жил-был хресьянин. Прожил свои века и помер. Осталась у его семья большая. Один сын, звать Ильей, лежал тридцать лет без ног, на ногах не ходил.

Вот в одно прекрасное время, — ето дело было летом, братья его шшотки чистили у реки у бульшой, — вот в одно прекрасное время пришли два старичка к етому нездоровому человеку. Было жар на дворе. Один старичок: «Стань, Илья, поди мне квасу принеси, я попить хочу». — «Ах, дедушка, я тридцать лет не знаю, как добры люди на ногах ходят, меня ведь поднимают». — «Ничего нет, нужды нет. Пошевели своим туловишшем». Вот стал он понемногу, помаленьки поворачиваться. Вздвинуло его тело, стал пробовать себя, уперся, в возможение стал, сял на ж. . . Невного время прошло — Илья Муровец стал на ноги, сходил в подвал, принес шайку пива. Старичок невного попил етого пива, дал Илье пить: « Пей, сколь твоя душа желает». Вот Илья полшайки выпил. Старичок спрашивает его: «Как сочувствуешь себя?» Илья отвечает: «Сочувствую себя: сейчас могу, что хошь делать». — «Поди, Илья, принеси шайку другую!» Ушел, принес шайку другую. Старичок ему: «Пей, Илья, вторую шайку». Вот он выпил полшайки. «Чо, — старичок говорит, — сочувствуешь по себе?» — «Таперя я могу ужасную гору повернуть». — «Но бог с тобой, пей остатки!» Выпил он остатки. Старичок спрашивает его: «Как сочувствуешь в себе?» — «Тапере я чувствую в себе: был бы столб утвержоный, так я бы белый свет поднял». — «Довольно, будет тебе». Вот старички оба скрилися. Поблагодарил он их.

Идет Илья в подвал, выворачиват бочонок пива, берет за кушак топор тяжкой, тяжелый, идет к братьям на работу. Братья его завидели: «Ето что такое, (к) нам Ильюша идет?» — «Ну какой там Ильюша! Ето кто-нибудь чужестранный. Ты знашь хорошо, что у Ильюши ног нет». Один признал его хорошо — ближе и ближе: дисвительно, брат пришел, бочонок пива принес. «Что ты, что ты, брат, откуль у тебя чо взялося? Стало быть, (к) тебе восподь приходил». — « Ничего я, братья, не знаю. Оздоровел я. Ну, братья мои дорогие, уйдите в сторону, чтобы не ушобить вас лесом».

Вот принелса добрай молодец ходить направо-налево, дубы с корнями летят, и все турит в реку. Спрудил реку лесом, вода по берегам пошла, ходу воде не дал, прямо завалил реку. Разделал имя земли, сколько хошь. «Ну,

братья мои, тепере можете пахать, можете хлеб ись — вишь ничего не стало, все чисто стало, никакого корешка в земле не осталось».

Распрошшался Илья Мурович со своими с родными братьями и валит дальше. Вот он шел-пошел своей путей-дорогою. Попадатса ему старичок стречу на лошаде. Обронил сумочку в землю и попросил Илью Муровича: «Поддай, поддай, сделай великую милость, мне ету сумочку». Вот приходит, берет одной рукой, подымат, подымат сумочку — сил его не берет. Вот другой рукой ухвучил, давай подымать ету сумочку, ушел до кушука в сырую землю ну не мог поднять ету сумочку. Потом в ответ ему старичок говорит: «Что, доброй молодец, в поля едь — похвались, а преж время хвалиться нечего. Вот ты хвалил себя, что я подыму весь белай свет, — тут только третья часть свету белого тягости, и то не мог ты поднять. Будет тебе оставшей силы, владей, сколь я тебе дал. Шибко, чересчур много!»

Вот идет своей путей. Идет ему стречу Боба-королевич. Поймал Илью со всем, с конем, посадил в карман себе и едет себе. Приезжает думой, становит лошадь, слезает, вынул из карману Илью Муровича. «Да, да, — говорит, — я думал: кака-то пташечка пригает на дороге, не понял и не разобрал, что Илья Мурович едет». Наказывает Илье Муровичу: «Ты мотри, моей матери руку не дай, и вот подем со мной (к) кузнецу». Пришли в кузницу: «Ну, Илья, дуй мех, а я вот ету железину накалю». Накалили железину алюю. Потом Боба-королевич сказал ему: «Вот зайдешь (в) избу, у меня мать слепая, будет просить у тебя руку. Вот (в)место етой, (в)место своёй руки подавай ету калёную железину в руки».

Вот заходят оне. Сидит старушка, необнаковеннай рост большой. «Что, мой сын возлюбленной, — отвечает, — с кем приехал домой? Оде какого взял себе товарища, пушай ко мне подойдет с горячею рукой». Подходит Илья Мурович, подает железину ей каленую в руку. Взяла старуха в руки, прижала — только из железины искры пошли (вот как!). «Хорошо, люблю я того человека, горячая рука, поглянулась мне! Можешь гулять с моим дитёй, с Бобой-королевичем».

Вот жили оне несколь время дома: пили, гуляли, ходили; что имя нужно было, то делали. Побратовались крепко-накрепко друг с другом. Вот живут оне ето время. Год проходит, и другой проходит. На третей год Боба-королевич отвечает своему родному брату: «Подем, Илья Мурович, со мною, куды я тебя поведу».

Вот пошли оне путей-дорогой. Несколь время шли оне, увидели от большой дороги сильной, огромной, большой лес. «Дай, — Боба-королевич говорит, — дойдем в етот большой лес. Что такое там деется, посмотрим мы с тобой». Вот зашли оне (в) сторонку, прошли несколько время по тайге по етой, спустилися в падь огромную. В етой паде степь огромная. Середь степи стоит домовишше. Боба-королевич отвечает: «Ну, брат, ляг-ка, поприметь, для куго ето домовишше». Илья Мурович послушалсе своёго брата, лег в ето домовишше — ишшо нужно десять Ильей положить в ето домовишше, потом рази хватит.

«Встань, мой родной брат. Дай я попримерю сам себя, не про меня ли приготовленная домовишша». Лег Боба-королевич в домовишшо, — захлопнулась гробница, налетели восемь железных оброчей. Отвечат Боба-королевич: «Разбивай, мой родной брат Илья Мурович!» Стал бить Илья Мурович, рошшибать ето домовишше. Раз ударит — налетит оброч железной. До тех пор бил, пока все полное домовишшо доспелося железными чижелыми оброчами. Потом отвечает Боба-королевич: «Послушай, мой братец дорогой, что я тебе скажу. Не ухуди от меня, обожди, посиди до тех пор, ковды подет из домовишши кровяная пена. Попей етой кровяной пены — будешь на свете хорошей, могучий, гламный самый богатырь».

Вот Илья Мурович гуляет по етой степе, никого не слышит и никого не видит: никакая не то ищо чо пташечка не поет, ромным счетом все тихо-глухо. Подходит (к) своёму брату Бобе-королевичу, увидал: идет уразная пена с кровью — ужась, ужась глядеть! Вот Илья Мурович припал к етой пене, ну пить ету пену, пондравилось ему — все равно как мед пьет ету пену сладку, хорошую. Боба-королевич отвечает ему: «Будет пить, Илья Мурович, будь доволен етим, больше всех онново не пей — не нужно». . .

Больше я етого рассказу не помню. Не знаю, как он уж дальше там ходил.

(Записал М. К. Азадовский в 1927 г. от Дмитрия Савельевича Асламова (1858—1939) в Тункинском аймаке БурАССР)

Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока, 1991.